

Науан Хазрет – ученый-теолог, просветитель
борец против колониальной политики царизма

Абуев К.К., д.и.н., профессор Кокшетауского
государственного университета им. Ш. Уалиханова,
заслуженный деятель Казахстана

Prof.abuew@mail.ru

Статья опубликована в сборнике

Modern Science: Problems and Perspectives International Conference. Las Vegas. NV. April 15. 2013. - International Center for Education & Technology. United States of America.

В последней трети XIX в. Россия, окончательно утвердив свое политическое господство в Казахстане, переходит к новому этапу колонизации края – к ее хозяйственному освоению. С этой целью был проведен ряд административных и судебных реформ, в результате которых были ликвидированы остатки местного самоуправления, вся Казахская земля, ее недра, леса, водные ресурсы объявлены государственной собственностью России. Для укрепления своего господства и расширения базы царизмом осуществляется широкомасштабная кампания по переселению европейского населения – казачества, крестьян, чиновников на казахские земли. Как бы ни были важны эти меры, однако они не давали основания считать политическое господство России в Казахской степи окончательным. Поэтому царское правительство во главу угла своей политики в Казахстане ставит задачу формирования у новых подданных идеи «российской гражданственности». На практике эта идея получила воплощение в политике русификации и христианизации казахского населения.

Рост социального и национального гнета, сопровождавшийся чиновничьим и казачьим произволом вызвал массовый протест народа. В этих условиях руководство национально-освободительным движением взяла на себя духовно-интеллектуальная элита. Тонкая прослойка интеллигенции и их лидеры в лице А. Букейханова, А. Байтурсынова и других избрала легальные формы борьбы против колониальной политики русского царизма: использование трибуны Государственной Думы, организация партий и обращения к властям с петицией, издание газет и т.п.

Одной из форм сопротивления народа напору и давлению царизма в духовной сфере стало отстаивание традиционного уклада, обычаев, культуры, мусульманской веры. Против произвола властей, нарушения элементарных прав, политики христианизации и русификации вел непримиримую борьбу Науан Хазрет.

Имя Наурызбая Таласова, известного в народе и литературе как Науан Хазрет, в советское время замалчивалось, а если упоминалось, то только в отрицательном плане как реакционный мулла. А между тем, эта личность

историческая, известная во всей казахской степи. О нем, в частности, писал видный казахский ученый Алихан Букейханов. В своем научном труде «Киргизы» (казахи – К.А.) он писал о Науане Хазрете как об «известнейшем в казахской степи ученом», ставшим жертвой произвола царских властей. Положительно отзывался о Науане Хазрете и великий казахский поэт Магжан Жумабаев в очерке, посвященном певцу-композитору Акану-серэ. Образ Науан-Хазрета освещен в пьесе классика казахской литературы Г. Мусрепова «Акан-серэ – Ак Токты», а также в романе-дилогии известного писателя С. Жунусова «Акан-серэ». В обоих произведениях авторы, отдавая дань запросам времени, вывели в лице Науан Хазрета отрицательный типаж, реакционного муллу, проповедующего мракобесие.

Между тем, из высказываний современников, в том числе и Акана-серэ, Алихана Букейханова, Мамбет-Али Сердалина, акынов Солтанмурата, Темирбека и других, Науан Хазрет предстает незаурядным человеком, одаренным ученым, мудрым наставником. Наконец, как духовное лицо Н. Таласов пользовался непререкаемым авторитетом и всеобщим уважением.

Родился Наурызбай Таласов в 1843 году в ауле Жилкелды Мезгильской волости Кокшетауского округа. Умер Науан Хазрет в г. Кокшетау в 1916 г. в возрасте 73 лет и похоронен на мусульманском кладбище, на берегу озера Копа.

Учился Наурызбай в аульной школе, а затем в медресе в г. Петропавловске, по окончании которого его как одаренного ученика рекомендовали в высшую духовную семинарию в Бухаре. Некоторое время поработав в родном ауле, накопив средства, он в начале 1870-х годов поступает-таки в духовную семинарию. И в новом учебном заведении Наурызбай был замечен не только своим прилежанием, но и глубокими познаниями по всем изучаемым предметам. По окончании курсов Н. Таласов как наиболее способный семинарист был направлен на стажировку в центр всего мусульманского мира, в город Багдад. По возвращении из стажировки он был оставлен преподавателем в той же духовной семинарии, где ранее учился. В 1886 году казахская общественность Кокшетауского уезда направила делегацию из трех человек в Бухару с целью возвращения на родину Наурызбая Таласова. На просьбу кокшетауских эmissаров бухарцы отнеслись с пониманием и разрешили Н. Таласову выезд в Кокшетау. Вернулся Н. Таласов разносторонне образованным человеком. Он, наряду с древнетюркским, узбекским языками в совершенстве владел фарси и арабским, хорошо изучил литературу Востока, свободно говорил по-русски. Выдающийся ученый-богослов Наурызбай Таласов удостоился ученого звания и стал известен в народе как Науан Хазрет.

Осенью 1886 г. по выбору общественности Науан Хазрет был утвержден областным правлением имамом Кокшетауской соборной мечети. Науан Хазрет многое сделал в духовном просвещении населения, упорядочил и упростил религиозные обряды, установил тесные связи с руководством мечетей соседних уездов. О возросшем его авторитете говорит и тот факт, что по его инициативе и на пожертвование мусульман в центре Кокшетау была сооружена

новая мечеть. В мечети производилась регистрация бракосочетания, а с 1886 г. в ее ведение была передана метрическая книга регистрации новорожденных. В документе указывается, что «это было сделано при уездном начальнике Костырко, и такой порядок сохранился при начальниках Туполеве, Коновалове, Селицком и Кельцеве» [1].

Будучи весьма образованным человеком, Науан Хазрет выступил за широкое просвещение своего народа, особенно заботился о начальном образовании детей, организовал при мечети медресе и школу для обучения сельских мулл. При соборной мечети на пожертвование мусульман Науан Хазрет открыл медресе с интернатом. Помощником по школе он взял бывшего своего ученика Шаймердена Коцегулова, уроженца Котыркольской волости.

В школе-медресе наряду с мусульманским давалось и светское образование, школьники учились читать и писать, изучали арабскую и русскую графику. Что интересно, дети наизусть читали стихи Абая Кунанбаева, пели песни Биржан-сала, Акана-серэ. В медресе большое внимание уделялось изучению арабского и персидского языков и классиков литературы Востока. При обысках, произведенных уездным начальником в школе-интернате, у учащихся были изъяты книги Фирдоуси, Навои, Саади, Низами и других авторов.

Родители за обучение не платили, так как медресе имело подсобное хозяйство, учащиеся сами ухаживали за скотом, купленным на пожертвования верующих, они же летом заготавливали на зиму сено. Таким образом, сто лет тому назад медресе Науана Хазрета работало на принципах самоокупаемости и на деле осуществляло соединение обучения школьников с производительным трудом. Учителями в медресе, наряду с самим Науаном Хазретом и Ш. Коцегуловым, работали выходец из Ташкента узбек Ингам Кари [2], а также политический ссыльный Петр Гарлишев [3], оба хорошо владели казахским языком.

На занятиях в медресе и проповедях Науан Хазрет говорил о необходимости приобретения современных знаний, высказывался и на деле осуществлял модернизацию традиционного образования, проповедовал ислам на понятном массам родном языке. По существу, мечеть превратилась в центр духовной жизни края. Это обстоятельство не осталось незамеченным и серьезно обеспокоило администрацию уезда. Потому что оно шло вразрез правительственной политике. А политика царского правительства, как было указано выше, заключалась в осуществлении форсированной русификации и христианизации местного населения. С этой целью был ужесточен контроль властей за культурно-просветительской деятельностью, за школьным делом. Наиболее распространенной формой обучения были аульные мусульманские мектебы и городские школы-интернаты, которые содержались на пожертвования населения. Правительством было запрещено открывать такие школы без особого разрешения местных органов. Главным условием открытия школ было преподавание русского языка, наличие учителя, освидетельствованного на знание русского языка и на лояльность правительству. Поэтому большинство казахских школ работало нелегально.

Другим направлением правительственной политики в духовной сфере было стремление ограничения деятельности мусульманской религии. При этом надо отметить, что царское правительство, учитывая важную роль религии, к исламу относилось более или менее терпимо вплоть до второй половины XIX в. В степь посылались благонадежные татарские муллы, не препятствовали строительству мечетей, разрешали совершению правоверными мусульманами хаджа в Мекку. Но в конце XIX в. отношение правительственных органов к исламу претерпело существенное изменение. Оно было связано с общим усилением колонизаторской политики самодержавия, о котором шла речь выше.

В сентябре 1891 г. по архиерейской части последовало «представление на Высочайшее благословение по поводу изыскания способа распространения православной веры Иисуса между магометанами». Идея о том, что подданные царя должны быть одной веры с ним, была поддержана правительством. 22 марта 1902 г. было утверждено «Положение», согласно которому «подчинение и соединение их (мусульман - К.А.) в православную веру должно производиться тихо, постепенно, без насилия и принуждения, но с хитростью, что будто бы принявшие веру сами этого желали, сами просили и по своей воле переходят в православие» [4].

Далее в документе рекомендовались пути и меры по христианизации казахов. Основная роль в этом деле отводилась школам. Предусматривалось увеличение числа аульных школ. На первое время для успокоения населения рекомендовалось «учителей в эти школы назначить из киргизов (казахов - К.А.) с обязательством преподавать детям русскую грамоту, говорить с ними по-русски, отнюдь не допускать грамоты по-киргизски».

«Но это, - говорится в документе, - законом не допускается, тогда прибегнуть к тому способу: учителя школ должны иметь учительское свидетельство от инспекторов, а последних обязать выдачу свидетельств на учительство киргизам затруднять и тормозить, а лиц, кои будут учительствовать без свидетельств, привлекать строго по закону и этим добиться уменьшения мулл...» [5]. Рекомендовалось открыть «женские школы для киргизских девиц, обучать их русской грамоте для того, чтобы она, когда сделается женой киргиза и матерью, то будет влиять на своего мужа и детей», документом предусматривалось изъятие из ведения мусульманского духовенства регистрации и расторжения брака, нареkanie и регистрацию новорожденных и даже похорон в казахском ауле совершать с разрешения русского священника. За нарушение этого требования предусматривалось привлечение к судебной ответственности по 79 ст. Крестьянским начальникам предписывалось следить за этим и доносить. «Укрепив таким путем и поставив дело прочно, - указывалось далее, - послать миссионеров, которые будут уверять киргиз, что их вера неправильна..., что все подданные должны и обязаны исполнять ту религию, которую исполняют их государь» [6]. Думаю, изощренно-лицемерный характер, русификаторское содержание и направленность приведенного документа настолько очевидны, что комментарии излишни.

Колониальный гнет, массовое переселение в степь русских крестьян и, наконец, русификация, принявшая усиленные темпы, означали для казахов не только утерю их земли, но и национальной самобытности. Эти обстоятельства вынуждали казахский народ начать борьбу за отнятые земли, за сохранение традиционного уклада жизни, обычаев, письменности, религии и культуры. Осознавая возможные трагические последствия вооруженной борьбы за национальное освобождение против мощной милитаризированной государственной машины Российской империи, основной упор делался на ненасильственные методы отстаивания своих интересов. Одной из форм проявления протеста была подача жалоб и петиций в органы администрации, вплоть до государя-императора, с требованием возврата им незаконно отнятых земель и угодий.

На рубеже веков также весьма актуальной стала идея просветительства, опирающаяся на традиционные формы. Этим объясняется большая популярность литературы Востока, арабской письменности, идеи единства судьбы тюркских народов России, так называемого пантюркизма. Ведь не случайно то, что для казахской поэзии и литературы в целом того периода было характерно присутствие «восточного мотива». Существенную роль в общественной жизни играла религия, казахи относились к мусульманской религии сунитского толка. Но, как отмечают русские исследователи края, в них ислам укоренился не так крепко, как у других мусульманских народов. Этим обстоятельством и хотели воспользоваться царские политики и чиновники. Однако в конце XIX в. важной особенностью духовной жизни общества стал небывалый рост популярности мусульманской религии. Это было, с одной стороны, признанием роли религии в сохранении национальных традиций, нравственных норм, с другой – проявлением протеста против правительственных акций преследования ислама и активизации миссионерской деятельности русских священников. В защиту ислама выступили наиболее влиятельные люди из самых разных слоев казахского общества: Абай Кунанбаев, Акан-серэ, Муса Чорманов, Чингиз Валиханов, Салык Бабаджанов, Мамбет-Али Сердалин, Алихан Букейханов и др.

Например, А. Букейханов решительно осуждал и, доказывая совершенную неприемлемость требования, чтобы похороны в казахском ауле совершались только с разрешения русского священника, также как и обязательная регистрация рождения и освидетельствование казахских школ и учителей [7]. Букейханов писал: «Если бы Правительство сознательно пожелало отделить казахский народ от русского просвещения и толкнуть его в объятия панисламизма, то ничего нельзя было бы для этого и придумать, как начать преследование против популярного Науана» [8].

Действительно, Науан Хазрет снискал в народе славу защитника веры, национальных традиций казахского народа. Он протестовал против решения администрации об изъятии изведения мечети освещения бракосочетания (неке кию), регистрации новорожденных (азан шақыру). Он апеллировал к исламу, видя в нем силу, способную противодействовать колониальному напору и русификаторской политике царизма. При этом важно подчеркнуть, мусульманское движение, возглавляемое Науан Хазретом, с самого начала

носило оборонительный характер и нравственно-этическое содержание в нем преобладало над политическим. В обращениях, размноженных на гектографе, не содержалось призыва к противоправным действиям. Целью движения было достижение права исповедовать ислам, открывать национальные школы, отправлять по традиции освящение брака, регистрации новорожденных и отпевания умерших.

Науан Хазрет также решил апеллировать авторитету известных и влиятельных людей, чтобы те оказали содействие в сплочении народа во имя сохранения национальной самобытности. В частности, он и его помощник и непосредственный исполнитель обращались к Абаю Кунанбаеву встать во главе движения за сохранение самостоятельности культурной жизни этноса. Примечательно и то, что письмо начиналось словами: «К вам, высокопочтимуемому народом Ибрагим мурза, обращаемся от имени населения пяти уездов Акмолинской области». Видимо, было основание для заявления от имени всех казахских общин области. Власти нашли деятельность Науан Хазрета противоправной и начали кампанию по его преследованию. А отторжения у казахских шаруа освоенных и насиженных ими земель, было квалифицировано как преступное и подстрекательское.

Крестьянский начальник первого участка Кокшетауского уезда подполковник Троицкий в рапорте от 2 апреля 1903 г. на имя военного губернатора Акмолинской области докладывал, что им «1 апреля был проведен обыск в школе при Кокчетавской мечети у муллы Таласова. При обыске найдено: 164 книги, как не пропущенных цензурой, так и рукописных, принадлежащих как школе, так и ученикам, и у Таласова 108 книг, найдена большая переписка, а также гектографические оттиски на киргизском языке». Далее Троицкий сообщал, что в столе у Шаймердена Кошегулова найден гектограф (простейший печатный аппарат - К.А.) и губка для смывания чернил, а также почтовые расписки на корреспонденцию по адресам: в Ботовские С. Чорманову, в Зайсан Кенчикову, в Семипалатинск Кунанбаеву от 7 марта 1903 г. [9]. Троицкий также докладывал, что Ш.Кошегулов по его распоряжению взят под стражу и заключен в тюрьму.

О случившемся 5 апреля 1903 г. военный губернатор Акмолинской области телеграфировал Степному генерал-губернатору. В свою очередь генерал-губернатор в тот же день телеграфировал Кокшетаускому уездному начальнику свое предписание: «Немедленно принять меры к закрытию незаконного интерната при мечети в г. Кокчетаве, выдворить всех проживающих в интернате, установить негласное наблюдение за деятельностью муллы Таласова» [10]. Он также распорядился, чтобы Петропавловский уездный начальник установил «самое тщательное негласное наблюдение за деятельностью муллы Мухаметжана Бекишева» [11].

Для нас, современных исследователей, непреходящую ценность представляет любой эпизод, любой факт из жизни и деятельности великого Абая. Известно, что в доме Абая жандармы производили обыск. Поэтому поводу есть разные версии. Вот как излагает этот факт Мухтар Ауэзов в романе «Путь Абая»: «Вечером по тайному приказу семипалатинского полицмейстера Федор Иванович Павлов был снова заключен в тюрьму. В ту же ночь в доме

Абая произвели тщательный обыск. Пять человек жандармов в течение трех часов переворачивали все верх дном в доме ни в чем не повинного Кумаша. Они искали какую-то бумагу, которая согласно доносу, поданному полицмейстером за подписью двух-трех баев и составленному будущим адвокатом Сакпаевым, хранилась не то у Абая, не то у Павлова. В доносе этом было сказано, что Абай подстрекает казахский народ к бунту по наущению ссыльного русского революционера Павлова.

Не найдя вышеуказанной таинственной бумаги у Павлова, жандармы теперь надеялись извлечь ее из кармана Абая, пока он «не успел замести следы преступления». Но бумага с запечатленной на ней думой о народе хранилась у Бектогая. Она была в таком надежном месте, где ее не отыскала бы и тысяча жандармов». [12].

Как видно из приведенного текста, М. Ауэзов исторический факт обыска в доме Абая интерпретировал по-своему, связывая его с именем вымышленного им революционера Федора Павлова. Фактически же это было совсем иначе.

Своим распоряжением от 5 апреля 1903 г. генерал-губернатор Степного края сделал предписание военному губернатору Семипалатинской области провести дознания по поводу двух писем, отправленных Ш.Кошегуловым на имя Ибрагима Кунанбаева, жителя Чингистауской волости. По поручению военного губернатора Семипалатинской губернии генерал-майора Галкина в аул Абая Кунанбаева прибыл сам начальник Семипалатинского уезда Навродский. В архиве сохранился его отчет на имя военного губернатора. Он, в частности, писал, что в ходе «тщательного обыска в зимовке и юрте, принадлежащих Кунанбаеву, найдена корреспонденция». Все рукописи И. Кунанбаева были в присутствии двух понятых опечатаны в особой папке и представлены военному губернатору.

Уездный начальник также доносил, что «на вопрос, не получает ли какую-нибудь корреспонденцию из Кокчетава, ответил, что месяца два назад получил заказное письмо из Кокчетава от неизвестного с просьбой адресовать ответное письмо на имя Зеита Баширова. В письме неизвестное лицо просил содействия Кунанбаева, как почтенного казаха, в побуждении населения ходатайствовать перед властями об образовании особого казахского духовного магометанского собрания. На требование мое передать мне это письмо Кунанбаев сказал, что передал его два дня назад своему сыну Турагулу. Тот ответил, что передал письмо чингисскому волостному Рызыкпаю Худабердину (т.е. брату известного поэта-философа Шакарима Худабердиева - К.А.), у которого при обыске в кармане бешмета и найдено письмо, что приложено к общей корреспонденции Кунанбаева» [13].

Примечательны в этой истории с письмами были два обстоятельства. Первое то, что инициатором и автором их был Науан Хазрет, хотя непосредственным исполнителем и адресатом был Ш. Кошегулов. К такому выводу автор пришел из анализа содержания письма (в архиве имеется текст лишь одного письма), в котором автор обращается к Абаю от имени казахов пяти уездов Акмолинской области и выдвигает общеказахские проблемы сохранения национальной самобытности, языка, культуры и мусульманской духовности. В нем содержится призыв к Абаю возглавить сопротивление

русификаторской и антиисламской политике колониальных властей мирными средствами, но нет призыва к неповиновению или насилию.

Второе – то, что автор или авторы обращаются к Абаю, как признанному духовному лидеру, вождю казахского народа. В этом плане весьма характерно начало письма, где говорится: «...обращаемся к вам, высокочтимому защитнику казахского народа...». При этом надо особо подчеркнуть то, что Абай был популярен и пользовался высоким авторитетом не только у соплеменников, но и у демократически настроенной части русской интеллигенции. О нем весьма почтительно и с уважением отзывались представители чиновничества.

Подтверждением тому может служить докладное письмо Семипалатинского военного губернатора от 30 сентября 1903 г. Степному генерал-губернатору. Оно небольшое по объему, поэтому сочли возможным привести здесь его текст с небольшим сокращением. Губернатор пишет: «На предложение от первого августа сего года за №12 имею честь представить Вашему Высокопревосходительству, что киргиз Чингизской волости Ибрагим Кунанбаев имеет от роду 60 лет (точнее 59 лет - К.А.)..., обладает сравнительно большим состоянием (около 1000 лошадей и 2 тысяч баранов). Кунанбаев человек весьма развитой и умный: он служил два трехлетия бием, три трехлетия – управителем Чингизской волости, а затем, по назначению правительства, прослужил три года управителем Кукурской волости. Служба Кунанбаева отмечалась мудрым управлением, исполнительностью, энергией, преданностью Правительству и отсутствием фанатизма. Один из сыновей Кунанбаева (Абдрахман - К.А.) по окончании курса Михайловского артиллерийского училища был произведен в офицеры, будучи на службе, умер в Туркестанском округе. Ныне замужняя дочь Кунанбаева окончила курс наук в киргизском интернате, все остальные дети его пишут, читают по-русски, грамоте обучил их отец. Кунанбаев весьма интересуется русской литературой, выписывает книги, газеты и журналы. В конце документа подпись: Генерального штаба генерал-майор Галкин [14].

Автор этого документа – высокий чиновник, губернатор Семипалатинской области предстает человеком справедливым и порядочным. Этого не скажешь в отношении Кокшетауского уездного начальника Троицкого, который производил обыск у Н.Таласова. О его рапорте на имя Акмолинского губернатора от 2 апреля 1902 г. мы писали выше. На следующий день, 3 апреля, по тому же адресу он пишет более обстоятельное донесение. В нем уверяет губернатора в том, что «влияние ислама в киргизском народе весьма ограничено, что его услугам прибегают «честолюбивые люди, желая выдвинуться». Он высказывает мысль о вредности распространения образования среди инородцев.

Стиль и содержание документа характеризуют автора как человека малограмотного, ограниченного, в тоже время жестокого и озлобленного. Он буквально обрушивается на Султан-Газы Валиханова (внука Губайдуллы Валиханова – первого старшего султана Кокшетауского округа), который служил в Петербурге при Генштабе. Троицкий пишет: «в С.-Петербурге в 1899 г. я встречался с полковником гвардии Вали-ханом, который живет там

безвыездно. Хотя года два назад он приезжал в Кокчетавский уезд Кутуркульской волости, в места своей родины, где имеется его дом. Приезд его ознаменовался целым рядом бесчинств и приглашением всех представителей народа. Конечно, будущие наезды его должны быть воспрещены, не только как яркого фанатика, но и человека даже невменяемого, вредно-бешеного во всех государственных предначертаниях России в киргизской степи. Понятно, он занимается игрой в заступничество за права народа, за религию его, попираемые православием». Далее Троицкий пишет, что воздействие Валиханова в народе мало, а «отражается оно на сподручных и то весьма мало уважаемых народом». В числе таковых он называет муллу Н.Таласова, Мамбет-Али Сердалина (видный ученый, общественный деятель, находился под негласным надзором полиции - К.А.), Айдархана Турлубаева, окончившего год назад юридический факультет Петербургского университета и служащего в омской судебной палате. Последнего называет агентом Валиханова и указывает на его связь с омским адвокатом Поваренных. Он пишет: «не у адвоката Поваренных ли фабрикуются и циркуляры гектографные? Ведь Турлубаев и Кощегулов ведут одно дело, а Кощегулов ведет дело через Поваренных, визитная карточка которого найдена у Кощегулова и у муллы Таласова» [15].

Троицкий категоричен, он даже критикует своего коллегу, Петропавловского уездного начальника, который допускает возможность «идти на уступку в духовных потребностях киргизов». В заключение уездный начальник делает вывод о вредности мечети, которая стала центром пропаганды ислама и незаконности существования школы при ней. Он высказывает убеждение, что «православная церковь имеет одна права и преимущество перед другими исповеданиями, и мусульманизм, наряду с другими исповеданиями, может быть терпим только в пределах, допустимых в законе». В самом конце Троицкий высказался еще определенной: «Пора покончить играть на почве религиозной, мусульманской. Пора разобраться в этих вопросах, пора наложить руку на центр, изъять их деятелей в места нейтральные, а население поставить должными разъяснениями и действиями на надлежащий путь» [16]. Полностью одоблив действия и выводы Кокшетауского уездного начальника, Степной генерал-губернатор со своей стороны решил «возбудить при МВД ходатайство о выдворении из пределов Степного края Кощегулова и Таласова, об отпуске 1500 руб. на организацию наблюдения за агитационной деятельностью среди киргизов неблагонадежных личностей».

Власти действовали оперативно, 17 июля 1903 г. особое совещание МВД, «рассмотрев обстоятельства дела муллы Таласова и содержащегося под стражей помощника муллы Кощегулова», признало их «главными в возбуждении киргизов против правительственных распоряжений». «На этом основании, – указано в документе, – Господин Министр ВД постановил: выслать названных двух лиц в Восточную Сибирь в местность по усмотрению Иркутского генерал-губернатора под гласный надзор сроком: Кощегулова на 5 лет, Таласова на 3 года, считая срок с 12 июня 1903 года» [17].

Ссылка популярного в степи муллы Науан Хазрета не принесла успокоение казахского населения, напротив, она вызвала глухой протест и волнения. Начались сборы подписей под петиции и сборы средств на

вызволению невинно осужденных Н.Таласова и К.Шаймерденова. По этому поводу Алихан Букейханов писал: «Если бы правительство сознательно пожелало отделить казахский народ от русского просвещения и толкнуть его в объятия панисламизма, то ничего нельзя было бы для этого и придумать, как начать преследование против популярного Науана» [18].

В архиве отложилось свидетельство о том, что представители казахских общин непосредственно обращались к властям вплоть до министра внутренних дел с заявлением и петициями об освобождении Н.Таласова и Ш.Коцегулова. Деятельное участие в этом движении принял Мамбет-Али Сердалин, бывший однокурсник А.Букейханова по Омскому техническому училищу. Это он организовал сбор подписей по освобождению ссыльных своих земляков и лично отправился в Петербург. Тогда-то через М.Сердалина все перипетии дела о Н.Таласове, стали известны А.Букейханову. Они вместе и обивали пороги министерств, использовали свои связи и знакомства и добились досрочного освобождения Науана Хазрета и Ш.Коцегулова. Решение об их освобождении из Сибирской ссылки было принято в марте 1905 г. в предписании Степному генерал-губернатору, подписанном товарищем (т.е. заместителем) Министра внутренних дел, содержалось требование объявить Таласову и Коцегулову под расписку, что в случае малейшей попытки к нарушению общественного порядка и государственной безопасности, они будут высланы немедленно» [19]. По возвращении из ссылки Науан Хазрет продолжал свою деятельность в качестве муллы соборной мечети в Кокшетау. А Ш.Коцегулов занялся политической деятельностью, был избран депутатом в Первую и Вторую Государственную Думу.

Итак, великий поэт-мыслитель Абай и знаменитый ученый-теолог Науан Хазрет – что общего между ними? Прежде всего, они жили в одну эпоху, во второй половине XIX и начале XX веков, оба от природы были наделены выдающимися способностями. Становление творческой личности Абая и Науана питали одни и те же истоки – национально-культурные традиции своего народа, образцы восточной поэзии, арабский героико-религиозный эпос. Но творчество Абая обогащалось за счет освоения достижений западной культуры через фильтр русской литературы и философии, что и предопределило феномен Абая.

Последнее. Абая и Науана Хазрета объединяло и то, что оба смысл и высшее назначение своей жизни видели в служении своему народу, заботились о его нравственном совершенствовании и просвещении.

У великого Абая и Науан Хазрета была своя стезя, своя творческая вершина и, конечно, свое место в истории культуры казахского народа. Абай – явление эпохальное, его творческое наследие – достояние мировой цивилизации, и мы далеки от мысли поднять личность Науан Хазрета на уровень его великого современника. Одно бесспорно, что и Науан Хазрет войдет в историю суверенного Казахстана как талантливый просветитель, самоотверженный борец за гражданские права и свободы своего народа, как общественный деятель.

1. «Россия». Т. 18, «Киргизский край». СПб., 1903, с. 204.
2. Там же.
3. ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 938, л. 74.
4. Там же, ф. 369, оп. 1, д. 1101, л. 19.
5. «Кокшетау», 15 сентября 1994.
6. ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 93, л. 88.
7. Там же, л. 89.
8. Там же, л. 90.
9. Букейханов А. Киргизы. Жизнь национальности. С. Петербург, 1910, с. 5.
10. Там же.
11. ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 1, л. 42.
12. Там же, л. 82.
13. Там же, л. 83.
14. «Путь Абая» Мухтар Ауэзов. Т.2.Ч.2. Алма-Ата 1978, С. 534.
15. Там же.
16. Там же, д. 871, л. 113414.
17. Там же, л. 89-91.
18. Там же, л. 98-103.
19. Там же, л. 236.
20. Букейханов А. Указ. работа, с. 477.
21. ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 871, л. 346.